

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ И САМОСТОЯНИЕ: О ДВУХ ВАРИАНТАХ СПАСЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются стратегии преодоления гибели в интеллигентском дискурсе русской литературы. На примере опыта каторги и его текстовых трансформаций у Достоевского раскрываются два конфликтующих варианта спасения интеллигенции: перерождение и самостояние. Оба варианта имели принципиальные отличия и сосуществовали в состоянии постоянного конфликта. Идеи перерождения и самостояния стали неотъемлемой частью интеллигентского дискурса русских писателей XIX–XX вв. Два способа преодоления собственной гибели определили не только взгляды писателей на интеллигенцию, но и литературные сюжеты о судьбах героев-интеллигентов.

Ключевые слова: интеллигенция, русская литература, Достоевский, интеллигенция и литература.

Одной из характерных черт интеллигентского дискурса является пророчество гибели интеллигенции. Интеллигенция на протяжении сотни с лишним лет убеждает общество в том, что ее гибель либо наступила, либо неизбежно наступит в ближайшее время. С другой стороны, сомневаясь в своем собственном существовании, интеллигенция переходит из эпохи в эпоху, опровергая пророчества о неизбежном исчезновении.

Очевидно, что наряду с мощно заявленным полюсом гибели в интеллигентском дискурсе присутствует не менее развитый полюс жизни. Однако его присутствие остается малозамеченным. В большей степени осмыслению подвергся полюс гибели. Подтверждением этому являются публикации об интеллигенции, считающиеся этапными, особо значимыми: «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского (1880), сборник «Вехи» (1909), «Образованщина» А.И. Сол-

женицына (1974). Иными словами, интеллигенция описывала причины, смысл и варианты своего исчезновения и лишь «в конце страницы» обращалась к своим же вариантам спасения.

Таким образом, актуальной задачей изучения феномена интеллигенции становится выявление и описание «спасительных» стратегий в дискурсе интеллигенции. В этом плане закономерно обращение к литературному материалу.

Свой анализ мы начнем с имени Достоевского. С нашей точки зрения, феномен Достоевского во многом соотносится с феноменом русской интеллигенции, является его составной частью. В его личности, творчестве и жизни воплотились ключевые идеи, оппозиции, конфликты интеллигенции. Кроме этого, формирование Достоевского-интеллигента приходится на время каторги, которую писатель прошел в 50-е гг. XIX в. Следовательно, мы можем рассматривать Достоевского как некую отправную точку в формировании интеллигентского дискурса.

Обращение к Достоевскому в контексте заявленной темы имеет особую важность. Прежде всего потому, что проблема жизни и смерти интеллигенции была для него не просто предметом журнальной полемики, а результатом тяжелого и сложного жизненного опыта, обретенного на каторге. Отсюда очевидное переплетение личности писателя и его текста об интеллигенции.

На каторге Достоевский впервые столкнулся с проблемой самоидентификации. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский показывает, как его герой оказывается отчужденным и от каторжников-простолюдинов, и от сообщества осужденных дворян. В поисках самоидентификации он приходит к формуле, выражающей его социальную сущность: «человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем» (4, 43)¹. Нетрудно в этом наборе признаков опознать интеллигента. Со временем образованность и совесть станут ключевыми характеристиками русской интеллигенции.

Главным открытием Достоевского на каторге стала чуждость и враждебность народной среды. Если «мужик из Таганрога» ощущал себя в остроге, как дома, то интеллигентом владело чувство выброшенной на сушу рыбы. Для Достоевского каторга стала мертвым домом именно потому, что она лишала его возможности реализовать себя как интеллигента. Поэтому малейшая связь с привычным ему миром столичной интеллигенции ощущалась как «воскресение из мертвых» (4, 232).

В этой губительной для интеллигента ситуации Достоевский находит два пути спасения. Первым являлась борьба за сохранение

собственной личности и стоическое сопротивление враждебной среде. Борьба за себя как интеллигента стала одной из форм сопротивления «мертвому дому»: «...я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» (4, 77). Такую модель поведения и отношения к жизни мы назовем самостоянием. Это понятие заимствовано нами из поэзии Пушкина и подразумевает нравственное сопротивление враждебным обстоятельствам².

Однако этот путь таил в себе опасность полного отчуждения, усугублял чувство одиночества и не решал конфликта между интеллигентом и каторжниками: «С другой стороны, мне и не хотелось замыкаться перед ними в холодную и недоступную вежливость, как делали поляки» (Там же).

Поэтому Достоевский пытался избавиться от гнетущего чувства изгойства путем соединения с каторжным народом. По сути это была борьба за признание, которое давало бы точку опоры, узаконивало положение интеллигента в остром сообществе.

Но и эта модель поведения оказалась нежизнеспособной. Теперь не интеллигент дистанцировался от среды каторжников, а сами каторжники отказывались признать в интеллигенте «товарища»: «Я понял, что меня никогда не примут в товарищество, будь я разарестант, хоть веки вечные...» (4, 207).

Таким образом, основной конфликт между интеллигентом и каторжниками Достоевский решить не смог. Финал «Записок...» показывает, что в целом положение интеллигента осталось тем же, что и в начале каторги: «Они это понимали и прощались со мной хоть и приветливо, хоть и ласково, но далеко не как с товарищем...» (4, 251).

Нерешенный в реальности конфликт трансформировался в идеологические и литературные тексты. В них Достоевский стремился обозначить варианты спасения интеллигенции. Как и в реальном опыте каторги, в интеллигентском дискурсе Достоевского вариантов спасения было два: оставаться собой или переродиться. Первый вариант предполагал равноправие интеллигенции и народа, их обоюдную значимость. Интеллигенция должна не унижаться перед народной правдой, а идти к нему со своими ценностями, достижениями. Прежде всего, эта модель сохранения интеллигенции воплотилась в почвеннических идеях Достоевского. Как известно, в публикациях 60-х гг. Достоевский не раз выступал против крайностей славянофильства, отвергающего значимость «образованного слоя» русского общества. В статье «Два лагеря теоретиков» (1862) читаем: «Неужели мы в полтора года лет хотя бы quasi-европейской

жизни не вынесли ничего доброго и только внутренне развратились, изжились, потеряли всякие задатки жизни? Неужели Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Островский, Гоголь – всё, чем гордится наша литература, все имена, которые дали нам право на фактическое участие в общеевропейской жизни, всё, что свежило русскую жизнь и светило в ней, – всё это равняется нулю?» (20, 10).

В 1876 г. Достоевский публикует в «Дневнике писателя» заметку «О любви к народу. Необходимый контракт с народом», где вновь высказывает мысль о значимости интеллигенции. Интеллигенция должна прийти к народной правде, но и народ должен усвоить опыт интеллигенции: «...преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. *Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться*, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибаем врознь» (курсив наш. – А. К.) (22, 45).

В романах мысль о значимости интеллигенции, ее особом месте в обществе и равноправии с народом нашла воплощение в образах «князя-Христа» Мышкина и русского скитальца Версилова.

Большое внимание Достоевский уделил и второй модели спасения интеллигенции. Суть ее заключается в том, чтобы интеллигенция изменила свою нравственную сущность, преклонившись перед народом. Интеллигенция должна обратиться к Христу, православию и влиться в тело народа. Иначе ее судьба в истории русского общества будет предрешена.

Не вдаваясь в детализацию, остановимся на двух показательных примерах. Первый относится к художественному творчеству. Мы имеем в виду грандиозный замысел Достоевского под названием «Атеизм» и «Житие Великого грешника», ставшими идейным и сюжетным ядром романов Достоевского 60–70-х гг.³ Герой и сюжет «Атеизма» должны были воплотить авторскую мысль о необходимости переосмысления «образованного сословием» своих ценностей и выборе подвижнического пути спасения: «...русский человек, нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, – вдруг, уже в летах, теряет веру в Бога. <...> Потеря веры в Бога действует на него колоссально. <...> шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадает на крючок иезуиту, пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины –

и под конец обретает и Христа и русскую землю, русского Христа и русского Бога» (282, 45).

Показательно, что классик достоевсковедения Альфред Бем напрямую соотносил героя «Атеизма» с типом интеллигента, а сюжет замысла определял как рассказ о «судьбе потерявшего веру в Бога и вновь обретшего его русского интеллигента»⁴.

Второй пример относится к публицистике Достоевского. Особое место в публицистике писателя занимает «Пушкинская речь» (1880). Она стала итоговым выступлением Достоевского, воплотившим главные мысли писателя о России и интеллигенции. Речь была обращена к русским «скитальцам», утратившим связь с народом. Достоевский задолго до чеканной формулировки философа Георгия Федотова о «беспочвенности и идейности» интеллигенции назвал русского «образованного» человека «носящейся по воздуху былинкой». Чтобы сохраниться, интеллигенту необходимо вернуться к истокам национальной жизни, «стать настоящим русским». Прежде всего «смириться» и усвоить христианский взгляд на мир. Подвижнический путь интеллигенции – это ее миссия, ее предназначение. И это единственный способ ее спасения.

Оба варианта спасения имели отправной точкой ощущение гибели. При этом для каждого варианта существовала своя губительная ситуация. Так, модель самостояния формировалась на основе чувства внешней угрозы. Окружающая среда может быть опасной для личности интеллигента, его индивидуальности, а то и жизни. В каторжной обстановке таким враждебным окружением стал непросвещенный, агрессивный, «дикий» народ. Позже в ряде публикаций и художественных произведений Достоевского место враждебной силы могло занимать буржуазное общество (например, коллизия князь Мышкин – Ганя Иволгин в «Идиоте»).

Продолжением опасности мещанско-буржуазного мира становятся тоталитарные общества в теориях Шигалева, Петруши Верховенского, Ивана Карамазова («Легенда о Великом инквизиторе»): «Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!.. Я за Шигалева! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает, послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая» (10, 322–323).

Власть также могла быть враждебной силой для интеллигента. Достоевский никогда не забывал своего революционного прошлого и той идеи мученичества, которую осужденные на казнь петра-

шевцы противопоставляли жестокости власти: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния... В ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений... То дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится!» (21, 133).

Модель перерождения также включала в себя гибельный элемент, но находился он не вовне, а внутри самой интеллигенции. Раздвоенность, утрата веры, оторванность от народа, вина перед ним – все это становилось разрушительной силой, обрекающей интеллигента на бессмысленность существования. Переродиться – значило осознать собственную греховность и выйти к новой вере и новой жизни. Метафизическую сущность этого перерождения Достоевский емко выразил в романе «Бесы» притчей об исцелении бесноватого Христом. В романе евангельскую притчу проецирует на современность либерал-идеалист Степан Трофимович Верховенский: «Мне ужасно много приходит теперь мыслей: видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века! <...> Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности... и сами будут проситься войти в свиней. <...> Но больной исцелится и “сядет у ног Иисусовых”... и будут все глядеть с изумлением...» (10, 499).

Каждый из вариантов спасения интеллигенции имел свои плюсы и свои минусы. Модель самостояния утверждала интеллигенцию как самостоятельную общественную силу. Однако при этом сохранялся риск обособления, изгойства, одиночества. Вариант перерождения спасал интеллигенцию от этих рисков, но одновременно нес в себе опасность утраты интеллигенцией собственной сущности.

Вероятно, поэтому Достоевский колебался между этими вариантами, прорабатывая то один, то другой. Однако эти колебания были не особенностью сознания именно Достоевского. Здесь вскрывались родовые черты интеллигентского сознания вообще. Подтверждением этому стала почти полуторазековая история интеллигенции: от «Пушкинской речи» Достоевского до сегодняшних общественных баталий. Не имея возможности подробно оста-

навливаться на этой чрезвычайно сложной проблеме, мы ограничимся несколькими примерами.

Хорошо известна антиинтеллигентская позиция авторов сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». Сборник вышел на волне разочарования в революции 1905 г. Авторы «Вех» – ими были видные религиозные мыслители и философы – обвинили революционную интеллигенцию в общественном бессилии, подрыве нравственных основ русского общества. «Вехи» вынесли общий приговор интеллигенции: отсутствие исторических перспектив и исчезновение с арены общественной жизни.

Однако ни один из мыслителей не решился поставить точку в своей диагностике. За пророчеством гибели интеллигенции обязательно следовало указание на пути выхода из тупика. Для веховцев это был путь духовного преображения. Интеллигенция должна пройти через смерть к возрождению и стать духовной опорой общества: «Русская интеллигенция при всех недочетах и противоречиях ее традиционного умонастроения обладала доселе одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремилась подчинить вере свою жизнь. Так и теперь она стоит перед величайшей и важнейшей задачей пересмотра старых ценностей и творческого овладения новыми. Правда, этот поворот может оказаться столь решительным, что, совершив его, она вообще перестанет быть “интеллигенцией” в старом, русском, привычном смысле слова. Но это – к добру! На смену старой интеллигенции, быть может, грядет “интеллигенция” новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения»⁵.

Такой же ход мысли мы наблюдаем и в позиции писателя-диссидента брежневской поры А.И. Солженицына. В другую эпоху, в другой стране, с другим историческим и жизненным опытом Солженицын реализует ту же модель спасения интеллигенции, что и веховцы: «Без замены интеллигенции Россия, конечно, не обойдется, но не от “понимать, знать”, а от чего-то *духовного* будет образовано то новое слово. <...> Не ошибемся, назвав их пока *жертвенною элитой*» (курсив автора. – А. К.)⁶.

Сюжет пути интеллигента от «понимать, знать» к праведничеству воплотился в рассказе «Матренин двор», в котором учитель Игнатич приходит к пониманию того, что истинной основой жизни является праведничество, не утраченное русским народом. Мотив учебы интеллигента у народа возникает и в романе «В круге первом».

Модель перерождения наполнялась веховцами и Солженицыным христианским смыслом, однако в силу своей универсаль-

ности она могла иметь и принципиально иное содержание. После победы Октябрьской революции 1917 г. интеллигенция напрямую столкнулась с проблемой собственного существования. Советская власть с самого начала обозначила свое отношение к интеллигенции. Интеллигенция была объявлена внутренним врагом революции, чуждым интересам пролетариата. Хорошо известна ленинская характеристика интеллигенции.

Однако, с другой стороны, у самой интеллигенции было двойственное отношение к революции⁷. Не принимая жестокости революции, интеллигенция вместе с тем чувствовала связь с ней. Революция будто бы воплощала такие значимые для интеллигенции идеи, как свобода народа, крушение мира «лжи», перестройка всей жизни. Поэтому в литературном быту появляются «попутчики», а в произведениях литературы мучимые своей неприкаянностью или, напротив, нашедшие верный путь герои-интеллигенты. Складывается и особая модель спасения интеллигента.

Возникает она на основе модели перерождения, но с той существенной разницей, что в парадигме литературы XIX в. под перерождением понималось духовное преображение человека, а в советской литературе – идейное. Путь интеллигента шел от осознания своей чуждости революции и пролетариату к преображению в советского человека. Как вариант такого сюжета могла быть представлена его «урезанная» версия: интеллигент осознает неизбежность распада личности в условиях новой исторической реальности, но не может выйти на путь перерождения.

Такая модель перерождения становится основой интеллигентского дискурса революционной эпохи. Как писал Юрий Олеша, автор одного из значительных произведений о революции и интеллигенции – романа «Зависть»: «Я хочу перестроиться. Конечно, мне очень противно, чрезвычайно противно быть интеллигентом. Вы не поверите, быть может, до чего это противно. Это – слабость, от которой я хочу отказаться. Я хочу отказаться от всего, что во мне есть, и прежде всего от этой слабости. Я хочу свежей артериальной крови, и я ее найду. У меня поседели волосы рано, потому что я был слабым. И я мечтаю страстно, до воя, до слез, мечтаю о силе, которая должна быть в художнике восходящего класса, каковым я хочу быть»⁸.

Мотив перерождения интеллигента получает распространение в литературе, кино и театре. Сюжеты с героем-интеллигентом, осознающим необходимость перерождения в «нового человека», строителя и защитника новой жизни, мы встречаем у А. Толстого («Хождение по мукам»), К. Федина («Города и годы»), Ю. Олеси

(«Зависть»), И. Бабеля («Конармия»), М. Булгакова (пьеса «Дни Турбиных»), Б. Лавренева («Седьмой спутник») и т. д.

Однако это не значит, что из структуры интеллигентского дискурса уходит альтернативная модель спасения – самостояние. Напротив, она обретает особую значимость. В условиях государственного и общественного давления интеллигент начинает четко осознавать свою оппозиционность всей сложившейся системе жизни. В этой системе координат задачей интеллигента становится не перерождение, а отстаивание собственных ценностей, сохранение собственной личности от распада.

В постреволюционной литературе, когда складывается канон соцреализма, ярким примером модели самостояния интеллигента являются произведения Булгакова «Собачье сердце» и «Мастер и Маргарита». Позже, в 60–70-е гг., свою лепту в развитие этого полюса интеллигентского дискурса вносят писатели, режиссеры, барды (Ю. Трифонов, А. Тарковский, Б. Окуджава и многие другие).

Таким образом, в интеллигентском дискурсе советской эпохи продолжали сосуществовать две модели спасения интеллигенции: перерождения и самостояния. В силу принципиально различного отношения к общественно-политической системе СССР эти варианты разошлись по разным полюсам. Например, на одном полюсе могла находиться убежденность в необходимости «перестроиться» Юрия Олеши, а на другом – интерпретация личности и творчества писателя, представленная в знаменитой работе критика Аркадия Белинкова под характерным названием «Сдача и гибель советского интеллигента»⁹.

Развернуто конфликт двух моделей представлен в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго». В частности в сюжетных линиях Патули Антипова-Стрельникова и Юрия Живаго. А также в конфликте Юрия Живаго с друзьями юности Дудоровым и Гордоном, переродившимися в советских интеллигентов.

Итак, анализ интеллигентского дискурса Достоевского привел нас к выводу о сосуществовании в сознании интеллигента двух конфликтующих способов преодоления гибели. В этом конфликте проявилась не столько особенность личности Достоевского, сколько типичные черты сознания интеллигенции вообще. В зависимости от позиции самого интеллигента представления о путях спасения меняли свои знаки с плюса на минус. То, что в одной системе координат было спасением, в другой – гибелью. Такая сменяемость полюсов делала структуру интеллигентского дискурса подвижной и в то же время неизменной. Интеллигенция вела спор не столько

с внешним миром, сколько сама с собою. Хороня и возрождая себя, интеллигенция поддерживала и продолжает поддерживать собственное существование, в том числе и с помощью литературных текстов.

Примечания

- ¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. С. 43. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием в скобках тома и страницы.
- ² О самостоянии как основе жизненной программы Пушкина см.: *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 21–184.
- ³ См. об этом: *Бицилли П.М.* Почему Достоевский не написал «Житие великого грешника» // *О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А.Л. Бема.* М.: Русский путь, 2007. С. 219–222; *Тихомиров Б.Н.* Неосуществленный замысел романа «Атеизм» в контексте творческой эволюции Достоевского второй половины 1860-х гг. [Электронный ресурс] // Интернет-альманах «Писатель & Литературовед». URL: http://www.mineralov.su/alma_2013_1_tikhomirov.htm (дата обращения: 17.12.2014).
- ⁴ *Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; предисл. и комм. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 118.
- ⁵ *Франк С.Л.* Этика нигилизма // *Вехи. Интеллигенция в России: Сборник статей 1909–1910 / Сост., комм. Н. Казаковой.* М.: Мол. гвардия, 1991. С. 184.
- ⁶ *Солженицын А.И.* Образованщина // *Из-под глыб. Сборник статей.* Р.: УМСА-Press, 1974. С. 255.
- ⁷ Об амбивалентности отношения к революции у интеллигенции см.: *Белая Г.* Смена кода в русской культуре XX века как экзистенциальная ситуация // *Литературное обозрение.* 1996. № 5/6. С. 111–116; *Кормер В.Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура. М.: Традиция, 1997. С. 207–243.
- ⁸ *Олеша Ю.К.* Речь на диспуте «Художник и эпоха» // *Олеша Ю.К.* Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М.: Искусство, 1968. С. 268.
- ⁹ *Белинков А.В.* Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / Предисл. М. Чудаковой. М.: РИК «Культура», 1997. 539 с.